

ТЕМА НОМЕРА

ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ) В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4

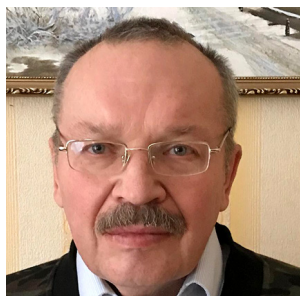
EDN: YHIWGQ

Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации¹

Ссылка для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Надуткина И. Э., Шаповал Ж. А. Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval Zh. A. Research or investigation: perspectives of the sociology of higher education in the conditions of bureaucratisation and commercialisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

AuthorID РИНЦ: 265785

Бабинцев Валентин Павлович¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

babintsev@bsu.edu.ru

AuthorID РИНЦ: 391964

Гайдукова Галина Николаевна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

g_gaidukova@bsu.edu.ru

AuthorID РИНЦ: 807461

Надуткина Ирина Эдуардовна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

nadutkina@bsu.edu.ru

AuthorID РИНЦ: 614842

Шаповал Жанна Александровна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

shapoval@bsu.edu.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150.

Аннотация. В данной статье представлен анализ проблем, возникающих в связи с определением перспектив социологии высшего образования в контексте особенностей современного этапа развития и кризисных процессов в самом социологическом знании. По мнению авторов, даже глубокое «погружение» исследователей в образовательную среду далеко не всегда позволяет адекватно представить и объяснить развивающиеся в ней процессы, что обусловлено не только ограничениями, связанными со спецификой самой науки и установками исследователей, но и с бюрократизацией образовательной реальности, которая минимизирует и в ряде случаев даже исключает возможность ее социологической интерпретации. Эмпирическую базу работы составили: 1) исследования, проведенные авторами или при их участии в вузах Белгородской области и других регионов России с 2005 по 2023 год, в том числе организованные Центром социальных технологий БелГУ; 2) вторичный анализ исследований, реализованных аспирантами, докторантами и соискателями при подготовке их работ в диссертационном совете по социологическим наукам в Белгородском государственном национальном исследовательском университете; 3) экспертный опрос специалистов в сфере социологии образования, проведенный авторами в феврале 2023 г. (N=38). На основе анализа теоретических и эмпирических источников авторы выделяют несколько обстоятельств, определяющих возникновение барьеров при изучении процессов в высшей школе социологами. Это корпоративизация современных вузов в ее «экономико-менеджеральном» измерении; специфика отношения к социологической диагностике как вузовской бюрократии, так и других участников образовательного процесса – преподавателей и студентов. Во многих случаях их позиция не комплементарна попыткам прояснить те или иные аспекты самоорганизации вуза. Сама возможность их обсуждения нередко изначально воспринимается участниками как нежелательная. По оценке авторов, в таких условиях любое исследование, ориентированное на получение максимально релевантных реальности, а не заданных заказчиком заранее результатов, приобретает своеобразную форму «социологического расследования». При этом речь идет не о формальной замене терминов, а о существенной корректировке подхода, обусловленной особенностями объекта и предмета познания, возможностями субъекта и той ситуацией, в которой осуществляется диагностика.

Ключевые слова: социология образования, социология высшей школы, высшее образование, бюрократическая корпорация, вузовская бюрократия, социологическое исследование

Введение

Одним из следствий нестабильности и рискогенности развития современного социума является нарастание во всех его сферах комплекса проблем, образующих предметные поля, весьма привлекательные для социологического исследования. Парадоксально, но кризисные процессы в обществе, вызывающие негативные последствия для значительной части населения, означают «праздник» для социологов. Разумеется, если последние не утратили интерес и вольны выбирать объект и предмет научных изысканий, соответствующий их приоритетам и уровню действительной компетентности, позволяющей со знанием дела формулировать вопросы и давать на них адекватные ответы.

Поскольку же многие из российских социологов (вероятно, большинство) связаны с системой высшего образования, не понаслышке знают ситуацию, сложившуюся в ее рамках, представляя обстановку в других сферах только на основе отдельных исследований, публикаций или же изучения документации, они вполне резонно обращаются к изучению высшей школы. Эта профессионально честная позиция еще не гарантирует высокого качества научной продукции, но, на наш взгляд, минимизирует возможности появления симулятивных по своей сути концепций, представляющих собой своего рода «интеллектуальные экзоскелеты», умозрительные конструкции, в которых эмпирические данные «привязаны» к некоторому набору априорных постулатов. Большинство из них имеют не научный, а идеологический характер, изначально не предполагающий дискуссию. Тенденция к оперированию подобными конструкциями все чаще проявляется в социологических публикациях и на статусных форумах. Она была отмечена Н. Е. Покровским на основе анализа материалов XIX Международного социологического конгресса, состоявшегося в 2018 г. в Торонто [17, с. 9]. Соглашаясь с ним, А. Резаев и Н. Трегубова заключают: «В подобного рода мероприятиях становится все меньше исследовательской составляющей, все больше – риторики социальных изменений в русле вполне определенной идеологии; и даже слово “социология” исчезает из названий сессий. Вопрос, насколько серьезны данные изменения и не приведут ли они к перерождению социологии, автор оставляет открытым. Мы солидаризируемся с оценкой, которую дает современной социологии Н. Е. Покровский, и полагаем, что перерождение уже имеет место» [18, с. 14].

Отмеченная особенность служит авторам одним из оснований для заключения о кризисе социологии.

Данная статья не предполагает анализа содержания этого кризиса. Отметим лишь, что он фиксируется разными авторами как на Западе, так и в России; в частности, мы рассматриваем как косвенное признание такого кризиса рассуждения О. Н. Яницкого о вызовах, на которые пока не ответило социально-гуманитарное знание [24].

Признание кризисного состояния социологической науки позволяет сформулировать основную гипотезу данной работы. Она сводится к нескольким предположениям:

– фиксируемый исследователями кризис социологической науки проявляется и в отношении социологии высшего образования;

– поскольку кризис в значительной мере обусловлен подменой научных оснований идеологическими конструктами, в социологии высшего образования его влияние смягчается тем фактом, что работающие в рамках данного направления специалисты «интегрированы» в объект и во многом поэтому лишены иллюзий, на почве которых формируются идеологизированные модели;

– даже глубокое «погружение» в образовательную среду далеко не всегда позволяет адекватно представить и объяснить развивающиеся в ней процессы, что обусловлено не только ограничениями, связанными

со спецификой самой науки и установками исследователей, но и с бюрократизацией социальной (образовательной) реальности, которая минимизирует, а в ряде случаев даже исключает возможность ее социологической интерпретации.

Таким образом, целью статьи является анализ проблем, возникающих в связи с определением перспектив социологии высшего образования в контексте особенностей современного этапа его развития и кризисных процессов в самом социологическом знании. Мы ни в коей мере не претендуем на непогрешимость и рассматриваем свои заключения как повод для дискуссии.

Методика исследования

Сформулированные положения являются результатом обобщения и анализа ряда исследований. В их числе:

– исследования, проведенные авторами в вузах Белгородской области и других регионов России в 2005–2023 гг. в рамках работы созданного в 2005 г. в Белгородском государственном (позднее – национальном исследовательском) университете Центра социальных технологий, в задачи которого входил анализ проблем развития вуза. Центр, просуществовавший десять лет, реализовал несколько исследовательских проектов, в том числе: «Социологический мониторинг системы качества образования», «Анализ взаимодействия между структурными подразделениями», «Формирование имиджа университета», «Оценка эффективности работы института кураторства БелГУ». Важно, что одной из причин прекращения его функционирования стал вывод об ограниченности перспектив использования неангажированного социологического знания в сложившейся корпоративной среде вуза, явившийся следствием рефлексии применяемых практик. В качестве достоинства этого источника следует отметить системный характер получения, обработки и интерпретации информации, регулярный анализ не только ее содержания, но и технологии сбора, осуществляемый, как правило, при участии администрации университета и научного сообщества. Однако недостаток в данном случае проявлялся в том, что исследования в большинстве случаев были ограничены пределами одного вуза;

– вторичный анализ исследований, реализованных аспирантами, докторантами и соискателями при подготовке и защите их работ в диссертационном совете по социологическим наукам [21; 15; 13; 14]. Характеризуя этот источник, отметим, что значительная часть исследований в стране в рамках социологии высшего образования осуществляется именно при подготовке диссертационных работ. Это обстоятельство не может не сказываться на полученных результатах, поскольку соискатели нередко бывают чувствительны к соображениям околонучной конъюнктуры и предпочитают обходить некоторые «острые» проблемы. Но достоинством данного источника является то, что составляющие его материалы отличаются сравнительно широкой географией, представляя разные регионы страны.

Информация, полученная путем сравнительного анализа источников, относящихся к обеим указанным группам исследований, неоднократно обсуждалась на научных форумах и была представлена в публикациях [1–3; 25].

Для достижения цели настоящей работы важны не столько полученные нами конкретные результаты, сколько обстоятельства их получения и последующего дискурса.

В 2023 г. мы предприняли попытку верификации основных выводов, полученных в ходе многолетних исследований, обратившись к своим коллегам-социологам с предложением ответить на вопросы небольшой экспертной анкеты. Речь шла о получении экспертных оценок по кругу проблем, связанных с проведением социологических исследований в вузах. Выбор экспертов представлял собой непростую задачу. Важно было услышать мнение работающих специалистов, имеющих публикации, относящиеся к предмету обсуждения и изданные в последние 3–5 лет, представляющих при этом разные регионы России. Решение проблемы было найдено следующим образом. В качестве экспертов выступили социологи, которые за последние пять лет выступали оппонентами по диссертациям на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в диссертационном совете по социологии в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, и некоторые члены совета. Квалификация этих специалистов не подлежит сомнению, они отвечают жестким формальным требованиям в отношении научной продуктивности. География их распределения охватывает 14 субъектов РФ.

На предложенные нами вопросы ответили 38 специалистов; среди них 33 проводили исследования в вузах в последние пять лет, остальные участвовали в обсуждении результатов таких проектов. Безусловно, полученные данные не являются репрезентативными в отношении всего социологического сообщества, но они и не рассматриваются в качестве таковых. На данном этапе нам было важно выявить наличие или отсутствие проблем, требующих решения, и попытаться объяснить их причины.

Обсуждение результатов

Теоретический анализ в сопоставлении с материалами, полученными в ходе эмпирических исследований, позволяет выделить по меньшей мере три обстоятельства, определяющих возникновение барьеров при изучении процессов в высшей школе социологами.

Первое (но не самое существенное) мы связываем с тем, что современные вузы постепенно превращаются в специфические корпорации. Безусловно, эта тенденция проявлялась и в прошлом. Университеты с длительной историей всегда тяготели к корпоративности, понимаемой как автономность. Она определялась спецификой применяемых в их пространстве практик и принципов социальной организации. Приоритет интеллектуальной деятельности без (или при минимальном акценте) установки на утили-

тарное использование ее результатов выделял их среди преимущественно прагматически ориентированных социальных институтов¹, а основанием для распределения внутренних статусов был принцип меритократии.

Однако процесс корпоративного развития вузов в настоящее время имеет лишь формальное совпадение с традициями, хотя их руководство и коллективы нередко апеллируют к последним. Современное учреждение высшей школы добровольно или вынужденно выстраивает свою внутреннюю и внешнюю деятельность с ориентацией на корпорации, сформировавшиеся в социально-экономической сфере. Эта метаморфоза находит, в частности, отражение в многозначности применения понятия «корпорация» в отношении университетов.

Как подчеркивает О. Н. Запорожец, «фоновые» практики описания делают акцент на контексте университетской корпорации – ее историчности, вписанности в определенный тип социального порядка, организации общества. В этом случае университетская корпорация, как правило, отождествляется либо с особым типом социальной организации, свойственной сословному обществу, либо с (пост)индустриальной структурой (составляющей экономики знаний), специализирующейся на производстве особых «продуктов» и «услуг» [5, с. 6].

Второй («постиндустриальный») подход становится все более преобладающим, отражая реальные изменения в самоорганизации и статусе вузов, которые, определяя корпоративный характер их развития, фактически направлены не на обеспечение реализации их основной функции – трансляции знаний и моделей поведения новым поколениям, но на усложнение организационных процедур, приобретающих самостоятельную ценность. В рамках этих изменений приобретают вес новые основания корпоративизации вуза, которые в той или иной мере оказывают влияние на возможности социологического исследования процессов его функционирования:

– приоритет аккумуляции и воспроизводства материальных ресурсов, что вполне логично в связи с принятием концепции предпринимательского университета. Согласно ей, вузы должны стремиться «соответствовать предпринимательскому образцу» [31], то есть трансформироваться в клиентоориентированную организацию, а преподаватели – превратиться в обычных наемных работников;

– выстраивание жесткой административной системы управления, хотя и наиболее адекватной задаче регламентированного предоставления услуг, но принципиально меняющей внутриорганизационную среду. Это изменение, означающее, как отмечает М. В. Курбатова, «встраивание руководителей вузов в административную вертикаль и выделение администрации вузов из профессионального сообщества, их превращение в профессиональных менеджеров и работодателей для преподавателей» [12, с. 69], весьма болезненно воспринимается последними;

¹ Преобладающую (но, конечно, не единственную) установку традиционного университетского сообщества отражает цитата из Алишера Навои: «Кто из наук решил извлечь доход, тот и себя обманет, и народ».

- разработка и внедрение системы символов, представляющих собой формальные свидетельства эффективности и успешности вуза, но при этом претендующих на роль критериев оценки его деятельности. Набор этих артефактов простирается от формулировки миссии до предметов бытового назначения с логотипом учебного заведения;
- производство, воспроизводство и утилитарное использование корпоративного знания, в качестве элемента которого и рассматриваются результаты социологического исследования.

Именно последнее основание представляет интерес в ракурсе рассматриваемой нами проблемы. Идея корпоративного знания, привычная для работников корпораций, действующих в экономике, является сравнительно новой для коллективов вузов и во многом в силу данного обстоятельства недостаточно проясненной. Показательны в данной связи существенные расхождения в его определениях исследователями и непосредственными «носителями».

В частности, согласно Г. Крогу и М. Кене, оно «охватывает всю совокупность сведений и способностей, которые используются индивидуумом для решения задач, а также позволяют интерпретировать информацию» [10, с. 74–75]. По А. Л. Гапоненко, это «набор принципов, фактов, навыков, правил, которые информационно обеспечивают процессы принятия решений, поведение и действия в организации» [4, с. 219]. Несмотря на различия в трактовках, среди исследователей все более утверждается представление о корпоративном знании как о важном факторе развития корпораций.

Работники вуза и обучающиеся, непосредственно включенные в процесс получения и трансляции знания, также интуитивно понимают, что оно составляет важный ресурс развития. Исследования, проведенные в 2015 г. аспирантом Белгородского государственного национального исследовательского университета¹, показали, что 25,5% преподавателей и научных сотрудников постоянно применяют корпоративное знание на практике. При этом чаще всего это делают административные работники (66,8%), что вполне объяснимо в силу интерпретации корпоративного знания в вузах как сведений, относящихся преимущественно к процессу разработки, принятия и реализации управленческих решений [14, с. 75].

Одновременно утверждается представление о том, что корпоративное знание имеет свою стоимость и в силу этого требует, как и другие ресурсы, не только использования и обмена, но в не меньшей степени – сбережения и охраны. Социологические исследования в данном контексте иногда воспринимаются как попытка лишить коллектив вуза монополии на обладание одним из конкурентных преимуществ, заключающимся в обладании специфическими технологиями управления. Но, судя по результатам проведенного нами в 2023 г. опроса, защита корпоративного знания пока не

¹ Исследование проводилось М. В. Луговской с августа 2015 г. по февраль 2016 г. в вузах Белгородской, Воронежской, Курской областей методом анкетного опроса администраций вузов (225 респондентов), сотрудников и преподавателей (450 респондентов), экспертов (30 чел.).

является значимым основанием трудностей при проведении социологической диагностики. Показательно, что в ходе нашего опроса на возникающие в данной связи трудности указали лишь 8 экспертов из 38.

Негативная реакция на мнимое «вторжение» в сферу корпоративного знания наиболее отчетливо выражена у представителей вузовской администрации, составляющей в вузе специфическую субкорпорацию, которая, вопреки относительно недавно широко распространенным надеждам на демократизацию образовательной среды, едва ли не монопольно определяет стратегию и тактику его развития. Особенности диспозиций этой группы мы рассматриваем в качестве второго обстоятельства, обуславливающего формирование препятствий для социологической диагностики.

Здесь наша позиция подтверждается экспертными оценками. И хотя лишь 14 привлеченных нами экспертов, имеющих опыт проведения социологических исследований в вузах в последние 5 лет, указали, что им в этом процессе иногда (вариант «никогда» не выбрал ни один из них) приходилось сталкиваться с прямыми административными запретами, проблема все же существует. Достаточно указать: лишь 7 экспертов охарактеризовали отношение администрации вуза к практике социологических исследований как неподдельный интерес и поддержку; но 16 человек – как осторожность, 15 – как декларацию поддержки, но неготовность реально обсуждать и использовать результаты; 11 – как равнодушие и отчужденность. При этом лишь 3 участника опроса определили: личное участие администраторов детерминировано избирательным подходом. И не случайно наибольшие сложности при проведении исследований социологи испытывают, когда вторгаются в сферы, монополизированные административно-бюрократическим аппаратом: кадровая политика (13 экспертов); формирование и использование бюджета (12 экспертов). Сложнее обстоит дело лишь при изучении «теневых» отношений (18 экспертов).

Следовательно, административно-управленческий интерес оказывает и еще долго будет оказывать влияние на развитие социологии высшего образования, и оно не может быть глубоко осмыслено без решения проблемы бюрократизации вузов.

Аналізу специфики вузовской бюрократии в последнее время уделяет внимание ряд исследователей, в работах которых раскрыты многие позитивные и негативные аспекты ее функционирования [8; 9; 12; 16; 20; 23; 26–30]. Однако остается открытым вопрос о том, что определяет преобладающую коллективную диспозицию административно-бюрократического аппарата вуза в отношении социологической диагностики протекающих в его среде процессов. Как показывает наш опыт, эта диспозиция характеризуется двойственностью. С одной стороны, она выражается в публичных заявлениях о необходимости и важности исследований. С другой стороны, в прямом или косвенном ограничении возможностей их проведения и, что особенно важно, практической реализации рекомендаций, сформулированных на основе полученных результатов.

Отмеченная двойственность в значительной мере является следствием особенностей группового сознания и поведения вузовской бюрократии, к числу которых относятся ориентация на формальные правила,

склонность к имитациям, приоритет ситуативного мышления, на что нам не раз приходилось указывать в своих публикациях [1–3]. В силу отмеченных особенностей бюрократический аппарат вуза в лице большей части его представителей не склонен поощрять практику профессиональной социологической диагностики, которая изначально предполагает выявление проблемных полей, прогнозирование вытекающих из них следствий и осуществление реальных, а не симулируемых действий, направленных на регулирование процессов.

Однако нам представляется, что в не меньшей степени двойственное, а в ряде случаев и однозначно негативное отношение вузовских администраторов к социологии имеет и некие рациональные основания. Связано это с тем, что административно-бюрократическая система в учреждениях высшей школы выступает в роли социального регулятора, обеспечивая баланс между двумя противоположными по своей направленности процессами. Первая выражается в реализуемой до последнего времени государственной стратегии развития высшего образования, которая, если отбросить декларации и спекуляции, сводилась, как уже отмечалось, к трансформации его в сферу услуг. Вторая заключается в интеллектуальном противодействии этой стратегии, оказываемом значительной частью коллективов вузов (в том числе и частью администраторов, занимающих, часто негласно, оппортунистическую позицию в отношении своей субкорпорации).

В настоящее время можно утверждать, что в учреждениях высшей школы сложилось, хотя непрочное, динамическое равновесие между обеими тенденциями, сохранить которое в силу своего статуса и стремится административно-бюрократическая система. Решая сознательно или интуитивно эту задачу, она вынуждена негативно воспринимать любые факторы, которые могли бы дестабилизировать ситуацию и нарушить «хрупкий» баланс. Социология вследствие ее претензий на проблематизацию вузовской реальности не обоснованно относится администраторами к числу таких факторов. Будучи не в состоянии полностью нивелировать его влияние (это означало бы объявить себя откровенными ретроgrадами и обскурантами), они избирают стратегию минимизации реальных следствий, то есть скрытого саботажа. Масштабы его не следует преувеличивать. Но 17 экспертов, проводивших исследования в вузах, указали на нежелание руководства обсуждать полученные результаты.

Прямой или косвенный саботаж социологических исследований имеет место и среди работников вуза, принадлежащих к субкорпорации преподавателей и научных сотрудников (11 экспертов также охарактеризовали их позицию как сочетание формальной поддержки с нежеланием разговаривать по существу). В этой среде игнорирование результатов социологических измерений получает своеобразное «идеологическое» подкрепление в виде реанимации устаревших представлений о научной несостоятельности социологии, либо (реже) в форме попыток подвергнуть сомнению методику конкретных исследований и тем самым дискредитировать их авторов (это отметили 4 эксперта). Определенные основания для последнего у критиков имеются, поскольку далеко не всегда исследования,

проводимые социологами, особенно если они осуществляются в своем вузе, где их авторы работают в условиях зависимости от администрации, отличаются научной корректностью. Это, как правило, определяется не столько недостаточной квалификацией авторов (хотя и она имеет место), сколько их стремлением одновременно решить две несовместимые задачи: получить адекватные ситуации данные и в то же время не вызвать негативной реакции руководства, если эти данные не вполне укладываются в административную парадигму развития вуза. Компромисс в данном случае достигается либо путем удобной для администрации интерпретации результатов исследований (что хотя и некорректно, но по меньшей мере может быть формально обосновано спецификой позиции социолога), либо посредством прямых фальсификаций, что недопустимо.

И все же критический настрой коллег в отношении практики социологических исследований в вузах далеко не всегда связан, по нашему мнению, с проблемами в их организации и интерпретации. Частично он объясняется зависимостью от администрации, страхом, что откровенность в диалоге с социологами грозит санкциями с ее стороны (характерно, что 55% экспертов назвали это главной причиной недостаточной искренности респондентов в ходе исследований). Однако мы полагаем, что критика социологов часто представляет собой попытку «самореабилитации» и «самооправдания», необходимость которой определяется двусмысленностью положения преподавателей и – частично – научных сотрудников в системе высшей школы. С одной стороны, большинство из них понимают, что включение в Болонский процесс имело для вузов преимущественно негативные следствия (и показательно, что озвученная Президентом РФ в его послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. идея возврата к отечественным традициям в высшем образовании была с энтузиазмом воспринята в коллективах учреждений высшего образования). Но, с другой стороны, педагоги и обучающиеся сумели в своем большинстве адаптироваться к системе и даже извлекать из нее свою выгоду. Оказалось, в частности, что практически любой более или менее думающий человек способен научиться жить в соответствии с формальными правилами и, более того, выглядеть вполне успешным. К тому же выяснилось: формализация вузовской реальности практически не препятствует развитию в высшей школе теневых отношений, а даже в чем-то их стимулирует и создает возможности получения дополнительной теневой ренты.

Несомненно, большая часть работников и студентов не питают иллюзий относительно способности социологии раскрыть в полной мере механизмы адаптации к сложившейся системе, а особенно – масштабы теневых отношений и технологии коррупции. Но даже сама возможность обсуждения этих практик на основе конкретных данных интуитивно воспринимается их участниками как нежелательная, нарушающая ситуацию относительного профессионального комфорта.

В сложившихся условиях любое исследование, не имитируемое, но ориентированное на получение максимально релевантных реальности результатов, с неизбежностью будет выходить за традиционные, «акаде-

мические» рамки. Фактически оно приобретает вид своего рода «социологического расследования»¹. И в данном случае речь идет не о формальной замене терминов, но о существенной корректировке подхода, обусловленной особенностями объекта и предмета познания, возможностями субъекта и той ситуацией, в которой осуществляется диагностика.

В рассматриваемом контексте наиболее важными представляются следующие аспекты.

1. Изначальное «сопротивление объекта» исследования попыткам получения релевантных знаний о его действительном состоянии, выражающееся как в форме запрета на изучение тех или иных проблем, так и создания условий, предопределяющих возникновение недостоверной информации в результате манипулирования участниками (при этом манипуляция может осуществляться и в отношении респондентов, и в отношении самих социологов). Специфика «социологического расследования» в данном случае заключается в том, чтобы определить мотивы сопротивления, детерминирующий их комплекс индивидуальных и групповых интересов, что возможно лишь при условии «погружения» в исследуемую среду. Следовательно, мы должны вспомнить о явно недооцененном в последнее время старом и надежном методе анализа – о включенном наблюдении, позволяющем установить в общем «фронте» сопротивления «слабые звенья», изучение которых предоставляет «ключ» к выходу на действительные параметры объекта.

2. «Имагинация» объекта изучения². Современное состояние российских вузов вполне может быть метафорически определено как «квазиустойчивое квазиразвитие». В рамках этой модели «прогрессом» вуза считается достижение и повышение рейтинговых показателей, имеющих, как правило, формальный характер и не отражающих (либо отражающих лишь частично) реальные результаты деятельности. Ориентация на рейтинги постепенно и неуклонно меняет профессиональное мышление и поведение акторов вузовского пространства, которые все более ориентируются на имитационные формы деятельности и, в конце концов, превращаются в основания оценок и самооценок. Формальные декларации обретают вид стереотипов, в рамки которых должна укладываться реальность, и, если этого не происходит, то «тем хуже для реальности». В результате, пытаясь получить «срез» мнений участников образовательного процесса, социологи фактически получают его иллюзорный, декоративный образ, в чем-то близкий к действительности, в чем-то ей прямо противоположный, но воспринимаемый как адекватный.

¹ Использование понятия «расследование» не следует рассматривать как указание на антикриминальный характер данной практики. Оно подчеркивает лишь необходимость более глубокого, чем обычно, анализа проблемы. Безусловно, нельзя не учитывать, что это понятие обычно используется в юриспруденции для характеристики одной из стадий уголовного процесса. Но, в сущности, в широком понимании оно указывает на практику тщательного изучения обстоятельств какого-либо дела и вполне применимо в самых разных областях практической, в том числе и познавательной, деятельности. В конечном итоге не вызывает же неприятия термин «журналистское расследование».

² Имагинация – воображение; имагинативная реальность – воображаемая реальность.

И если традиционные социологические исследования обычно ограничиваются констатацией несовпадения имагинативной и реальной среды, то «социологическое расследование» должно включать в себя деконструкцию индивидуальных, групповых и институциональных мифологем, что, на наш взгляд, возможно лишь при условии детального («тонкого») анализа богатых нюансами повседневных социальных практик. Понимание этого приводит к необходимости решения проблемы мнимого профессионального универсализма социологов.

3. Издержки ложного социологического универсализма. Социолог, особенно работающий в сфере высшего образования, как правило, берется за исследование любой возникающей здесь проблемы, мотивируя это тем, что рассматривает ее специфический «срез», определяемый предметом своей науки, который, действительно, формулируется предельно широко. Однако претензия на научное «всезнайство» выглядит довольно сомнительной и по меньшей мере не исключает возможности междисциплинарного сотрудничества. Более того, профессиональный подход к делу выражается не в стремлении решать проблемы, опираясь исключительно на свои возможности, но в обращении к специалистам во всех случаях, когда речь идет о выявлении специфики той или иной сферы, даже если она формально близка субъекту. Несмотря на то что вузовский социолог, как правило, является и практикующим педагогом, и ученым, и воспитателем, он все же довольно редко способен с полным знанием дела анализировать проблемы, характеризующие деятельность своих коллег, специалистов в других отраслях знаний. Именно поэтому к участию в социологических проектах просто необходимо привлекать «спецов», чья профессиональная компетентность в конкретной области функционирования высшего образования подтверждена на практике. Мы полагаем, что будущее вузовской социологии связано в первую очередь с реализацией исследований, проводимых группами, в состав которых наряду с социологами входят специалисты, работающие в рамках предметного поля исследования, а также в области психологии и семиотики.

4. Трудности интерпретации результатов. Обращаясь к социологическим исследованиям, проведенным специалистами, чья компетентность не вызывает сомнений [6–7; 11; 16; 19; 22], можно отметить, что полученные ими результаты не всегда соотносятся с индивидуальными и групповыми интересами акторов вузовского пространства. Чаще всего эти интересы учитываются в предельно обобщенном виде¹. Между тем превращение современного учреждения высшей школы в специфическую квазикорпорацию автоматически не ведет к достижению единства ее участников в отношении важнейших вопросов развития. Внутри квазикорпорации формируются субкорпоративные объединения со своими специфическими диспозициями. И самоорганизация вуза со всеми ее достоинствами и недостатками,

¹ Возможно, это связано с тем, что популярная некогда традиция теоретико-методологического исследования потребностей и интересов разных социальных групп в последние годы не получает активной поддержки в научной среде.

представляя собой результат согласования групповых и индивидуальных интересов, часто вынужденного и временного, поддерживается не только мерами административного принуждения, но и согласия с ним работников и обучающихся. Установить связи между возникающими в образовательных учреждениях институциями и интересами акторов крайне сложно.

Во-первых, потому, что во многих случаях подлинные интересы «игроков» не только прямо не декларируются, но декорируются привлекательными формулами. Значительный опыт применения большинством из них интеллектуальных практик делает решение задачи маскировки интересов несложным и по-своему увлекательным занятием. Во-вторых, поскольку многие из участников вузовского пространства в настоящее время реализуют себя не только (а иногда и в большей степени) в рамках образовательной организации, совмещая разные виды деятельности, их интересы формируются под воздействием разнородных факторов. Учесть все их крайне сложно, но стремиться к этому необходимо, что и составляет один из важнейших элементов «социологического расследования». Здесь, очевидно, должны сыграть свою роль методы, позволяющие осуществить углубленный анализ жизненных ситуаций участников: глубинные интервью, кейс-стади, изучение нарративов.

Но, на наш взгляд, решающее значение в обобщении полученных результатов принадлежит интуиции социолога, его способности в условиях дефицита данных выявить устойчивые связи и отношения.

5. «Ловушки» презентации выводов. Наконец, «социологическое расследование» имеет свою специфику и при представлении полученных результатов. Она заключается в том, что его автор изначально должен представлять себе комплекс проблем, неизбежно возникающих при их «обнародовании» и выражающихся в виде своеобразных «ловушек». Попадание в них обесценивает значение выявленных фактов и построенных на их основе выводов.

К числу наиболее типичных «ловушек», как показывает опыт, относится, прежде всего, ловушка мнимой очевидности. Суть ее заключается в том, что социологу – автору исследования – сформулированные им позиции нередко представляются предельно ясными, очевидными, естественным образом вытекающими из массива данных. Поэтому часто он склонен ограничиться их наглядным представлением, зачастую не заботясь о системе дополнительных обосновывающих положения аргументов. Однако всегда найдутся оппоненты, ставящие выводы под сомнение, не только потому, что они затрагивают их интересы, но и вследствие несформированности социологического мышления и непонимания языка социальных наук. В какой-то мере избежать этой ловушки позволяет использование детально проработанного понятийного аппарата, предварительное определение «точек соприкосновения» с контрагентами; установление общего для участников дискурса контекста значений; выработка правил или средств их использования.

Существенно обесценивает результаты исследований ловушка неоправданной экстраполяции конструктивности намерений. Проводя исследование, социолог обычно рассматривает его как процедуру, позволяющую выявить проблемы вуза и тем самым способствовать их решению. При этом он нередко считает: его контрагенты воспринимают социологические практики именно в таком ключе и – возможно – будут ему благодарны за предоставление реального положения дел. Между тем те, к кому он обращается, довольно часто полагают, что они и так «владеют ситуацией», а социологические практики интерпретируют как попытку поставить под сомнение сложившуюся (вполне успешную) систему; в лучшем случае – создать дополнительные трудности. Поэтому представление «социологического расследования» целесообразно сопровождать пояснительной запиской, где рассматриваются следствия, возникающие как в случае, если его результаты послужат основой для управленческих решений, так и в случае их игнорирования. Правда, как показывает практика, негативные прогнозы в данном случае воспринимаются весьма скептически, ибо «нет пророка в своем Отечестве».

Не способствует позитивному восприятию полученных социологами данных и установка на самодостаточность дискурса. Социолог нередко безосновательно рассматривает обнародование итогов исследования как вполне самодостаточный результат, который просто не может не заинтересовать менеджеров и автоматически будет использован ими в благих целях. Однако, напротив, довольно типичной является ситуация, в которой эти итоги так и не будут востребованы субъектами управления не только по причине их консерватизма или корпоративного эгоизма, но погруженности в рутину повседневности. В силу данного обстоятельства желательно, чтобы «социологическое расследование» не только включало в себя «джентльменский набор» практических рекомендаций, но и предусматривало механизм их реализации. Неконструктивной в данной связи нам представляется часто встречающаяся позиция, согласно которой социолог лишь ставит диагноз, лечением же должен заниматься кто-то другой.

К выводам

Представленные в настоящей статье данные и результаты их интерпретации не претендуют на окончательность и бесспорность. Мы рассматриваем их в качестве повода для дискуссии, которая давно назрела в силу нарастания проблем развития высшей школы, неизбежно приобретающих специфическую конфигурацию в ходе заявленного Президентом РФ выхода из Болонского процесса. Решить эту задачу (если она не останется чистой декларацией) будет крайне сложно без составления реальной картины отношений в современном вузе. Свой вклад в ее формирование должна внести социология, но при условии, что социологи будут ясно представлять возможности и границы процесса познания, смогут правильно использовать адекватные методы и инструменты анализа. Потенциал их доста-

точно высок, что подтвердили привлеченные нами эксперты. Большинство из них положительно ответили на вопрос о способности социологии поставить верный диагноз современному вузу. Однако многие обусловили это разрывом с бюрократическим видением ситуации, совершенствованием методики и сотрудничеством разных школ. Именно поэтому сегодня важен конструктивный системный диалог специалистов, который уже фактически ведется на страницах журналов, на конференциях, и к интенсификации которого мы приглашаем настоящей публикацией.

Библиографический список

1. Бабинцев В. П. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 26–35. EDN: ZAYFKP.
2. Бабинцев В. П. Формальная рациональность в управлении учреждениями высшего образования в России // Социология образования. 2015. № 9. С. 27–36. EDN: UGAPFX.
3. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. № 22 (4). С. 895–908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
4. Гапоненко А. Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008. 394 с.
5. Запорожец О. Н. Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов: препринт WP6/2011/06. М.: ВШЭ, 2011. 48 с.
6. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. № 22 (4). С. 881–894. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894.
7. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 379–399. DOI: 10.19181/ezheg.2022.14.
8. Красинская Л. Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация. Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82. EDN: VQALEH.
9. Краснова Г. Н., Певтиев В. И. Высшее образование в России: проблемы и решения // Социально-политические исследования. 2019. № 3 (4). С. 59–72. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10512.
10. Круг Г., Кене М. Трансфер знаний на предприятии: основные фазы и воздействующие факторы // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 4. С. 74–75.

11. Кузнецов И. С. Доверие студентов и их образовательная траектория после окончания вуза // Высшее образование в России. 2023. № 32 (1). С. 110–129. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129.
12. Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 4. С. 59–86. EDN: WTIEYN.
13. Логвинова А. В. Регулирование социальных рисков административного управления региональным вузом: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2020. 19 с.
14. Луговская М. В. Управление корпоративными знаниями в провинциальных вузах: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2018. 192 с.
15. Озерова М. М. Корпоративные коммуникации в управлении вузом: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2017. 17 с.
16. Осипов А. М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. № 20 (4). С. 953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
17. Покровский Н. Е. Левый марш международной социологии на фоне Ниагарского водопада // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 9–15. DOI: 10.31857/S013216250003996-8.
18. Резаев А., Трегубова Н. Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. 2022. № 21 (3). С. 9–30. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-9-30.
19. Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802.
20. Слива А. В., Березовский В. А., Фокина В. Н., Басов В. А. Финансовые и интеллектуальные потери вуза вследствие излишней бюрократизации в системе образования // Экономика образования. 2015. № 5 (90). С. 4–16. EDN: UIXUXP.
21. Тарабаева В. Б. Управление конфликтами инновационного развития вузов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2009. 42 с.
22. Чередниченко Г. А. Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 165–187. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187.
23. Шаброва Н. В. Доверие и бюрократизация в вузах // Вестник СурГПУ. 2019. № 5. С. 224–232. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.021.
24. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
25. Babintsev V., Sapryka V., Serkina Ya. Formal Rationality Traps in Administration of Higher Education Institutions in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 214. P. 520–525. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.755.

26. Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2009. Vol. 37 (1). P. 51–65. DOI: 10.1177/1741143208098164.
27. Humes W. The ‘iron cage’ of educational bureaucracy // *British Journal of Educational Studies*. 2022. Vol. 70 (2). P. 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
28. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2017. № 47 (1). P. 5–19. DOI: 10.1177/1741143217711190.
29. Saks M. M., Adams T. L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box // *Professions and Professionalism*. 2019. № 9 (2). DOI: 10.7577/pp.3190.
30. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility // *Curriculum Inquiry*. 2018. Vol. 48 (5). P. 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.
31. Urbano D., Guerrero M. Entrepreneurial universities: Socio-economic impacts of academic entrepreneurship in a European region // *Economic Development Quarterly*. 2013. № 27 (1). P. 40–55. DOI: 10.1177/0891242412471973.

Получено редакцией: 04.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Надуткина Ирина Эдуардовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4

Research or Investigation: Perspectives of the Sociology of Higher Education in the Conditions of Bureaucratisation and Commercialisation¹

Valentin P. Babintsev

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-0112-6145

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150.

Galina N. Gaidukova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-9174

Irina E. Nadutkina

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0003-4416-9126

Zhanna A. Shapoval

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval Zh. A. Research or investigation: perspectives of the sociology of higher education in the conditions of bureaucratisation and commercialisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

Abstract. The article presents an analysis of the problems that arise in connection with the definition of the prospects for the sociology of higher education in the context of the features of the current stage of development and crisis processes in sociological knowledge itself. Authors believe, even a deep “immersion” of researchers into the educational environment does not always allow to adequately represent and explain the processes developing within it, that is due not only to limitations associated with the specifics of the science itself and the attitudes of researchers, but also with the bureaucratisation of educational reality, that minimises and in a number of cases even excludes the possibility of its sociological interpretation. The empirical base of the work was: 1) studies conducted by the authors or with their participation in universities of the Belgorod region and other regions of Russia from 2005 to 2023, including those organised by the Center for Social Technologies of BelSU; 2) secondary analysis of research carried out by graduate students, doctoral students and applicants in the preparation of their work in the dissertation council in sociological sciences at the Belgorod State National Research University; 3) an expert survey of specialists in the field of sociology of education, conducted by the authors in February 2023 (N=38). Based on the analysis of theoretical and empirical sources, the authors identify several circumstances that determine the emergence of barriers in the study of processes in higher education by sociologists. They are the corporativisation of modern universities in its “economic and managerial” dimension; the specifics of the attitude to sociological diagnostics of both the university bureaucracy and other participants in the educational process – teachers and students. In many cases, their position is not complementary to attempts to clarify certain aspects of the university’s self-organisation. The very possibility of discussing them is often initially perceived by the participants as undesirable. According to the authors, under such conditions, any research aimed at obtaining the most relevant to reality, and not the results set in advance by the customer, takes on a peculiar form of “sociological investigation”. At the same time, we are not talking about a formal replacement of terms, but about a significant adjustment of the approach, due to the characteristics of the object and subject of cognition, the capabilities of the subject and the situation in which the diagnosis is carried out.

Keywords: sociology of education, sociology of higher education, higher education, bureaucratic corporation, university bureaucracy, sociological research

References

1. Babintsev V. P. Corporate relations in Russian universities: breaking tradition. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2017: 7: 26–35 (in Russ.).
2. Babintsev V. P. Formal rationality in the management of higher education institutions in Russia. *Sociologiya obrazovaniya*, 2015: 9: 27–36 (in Russ.).
3. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. University Bureaucracy in Russia – terra incognita of sociology of education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22 (4): 895–908 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
4. Gaponenko A. L. Upravlenie znaniyami. Kak prevratit' znaniya v kapital [Knowledge management. How to turn knowledge into capital]. Moscow, Eksmo, 2008: 394 (in Russ.).
5. Zaporozhets O. N. Universitet kak korporaciya: intellektual'naya kartografiya issledovatel'skih podhodov: preprint WP6/2011/06 [University as a corporation: intellectual cartography of research approaches: preprint WP6/2011/06]. Moscow, VSHE, 2011: 48 (in Russ.).

6. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Resource capacity of the scientific and pedagogical community: administrative and mobilization approaches to analysis. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22: 4: 881–894 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894.
7. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. The new nature of educational and professional trajectories of youth. In *Russia being reformed: yearbook: iss. 20*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi Khronograf, 2022: 379–399 (in Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2022.14.
8. Krasinskaya L. F. Modernization, optimization, bureaucratization. What awaits high school tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2016: 3: 73–82 (in Russ.).
9. Krasnova G. N., Peftiev V. I. Higher education in Russia: problems and solutions. *Social'no-politicheskie issledovaniya*, 2019: 3 (4): 59–72 (in Russ.). DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10512.
10. Krog G., Kene M. Knowledge transfer at the enterprise: the main phases and influencing factors. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 1999: 4: 74–75 (in Russ.).
11. Kuznetsov I. S. Students' trust and their educational trajectory after graduation. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 32 (1): 110–129 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129.
12. Kurbatova M. V. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016: 4: 59–86 (in Russ.).
13. Logvinova A. V. Regulation of social risks of administrative management of a regional university: abstract dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2020: 19 (in Russ.).
14. Lugovskaya M. V. Corporate knowledge management in professional universities: dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2018: 192 (in Russ.).
15. Ozerova M. M. Corporate communications in the management of the university: abstract dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2017: 17 (in Russ.).
16. Osipov A. M. Buro pathology and paper pressure in Russian education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2020: 20 (4): 953–966 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
17. Pokrovskiy N. E. The left march of international sociology against the backdrop of Niagara Falls. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 2: 9–15 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250003996-8.
18. Rezaev A., Tregubova N. Once again about sociology and social analytics in the era of artificial intelligence development. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2022: 21 (3): 9–30 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-9-30.
19. Seliverstova N. A. Imitation of educational practices in the field of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 71–77 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008802-5.
20. Sliva A. V., Berezovskiy V. A., Fokina V. N., Basov V. A. Financial and intellectual losses of the university due to excessive bureaucratization in the education system. *Ekonomika obrazovaniya*, 2015: 5 (90): 4–16 (in Russ.).
21. Tarabayeva V. B. Conflict management of innovative development of universities: abstract dissertation of the Doctor of Sociological Sciences. Belgorod, 2009: 42 (in Russ.).
22. Cherednichenko G. A. Trajectories of part-time students of higher education in the field of education and labor. *Voprosy obrazovaniya*, 2020: 3: 165–187 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187.
23. Shabrova N. V. Trust and bureaucratization in universities. *Vestnik SurGPU*, 2019: 5: 224–232 (in Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.021.
24. Yanitskiy O. N. On the problem of modernization of the humanitarian knowledge. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2018: 6: 1 (21): 7–22 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
25. Babintsev V., Sapryka V., Serkina Ya. Formal Rationality Traps in Administration of Higher Education Institutions in Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015: 214: 520–525. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.755.
26. Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*, 2009: 37 (1): 51–65. DOI: 10.1177/1741143208098164.
27. Humes W. The 'iron cage' of educational bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*, 2022: 70 (2): 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
28. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*, 2017: 47 (1): 5–19. DOI: 10.1177/1741143217711190.

29. Saks M. M., Adams T. L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box. *Professions and Professionalism*, 2019: 9 (2). DOI: 10.7577/pp.3190.

30. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry*, 2018: 48 (5): 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.

31. Urbano D., Guerrero M. Entrepreneurial universities: Socio-economic impacts of academic entrepreneurship in a European region. *Economic Development Quarterly*, 2013: 27 (1): 40–55. DOI: 10.1177/0891242412471973.

The article was submitted on April 04, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Irina E. Nadutkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Zhanna A. Shapoval, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University